

© 2010 г. Л.В. Жаров

СЕКСУАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАУКИ: ЧУДО, ТАЙНА И АВТОРИТЕТ

Рассматривается феномен сексуальности человека за рамками научного подхода. Отмечается, что наука выполняет только роль фундамента сексологического знания. Выделяются три вопроса, на которые наука пытается дать ответ: что? как? почему? Автор приходит к заключению, что вне-научные способы постижения феномена сексуальности человека не только дополняют научные подходы, но и выявляют новые и парадоксальные грани данного явления.

Ключевые слова: сексуальность, эротическая культура, чудо, тайна, авторитет, человек.

Анализ человеческой сексуальности в пределах современного научного знания [1] дал основание считать, что наука во всех известных ипостасях от классики до постнеклассики «схватывает» этот феномен под весьма особым и специфическим углом зрения. Содержательный анализ того «Что» и «Как» это происходит сопровождается гипотетическими построениями по поводу «почему это так» и исчерпанием возможностей при попытке ответить на вопрос «Зачем это всё?». Этот водораздел по сути дела характеризует любую сферу знания, связанную с человеком, сущность которого может быть выражена весьма вероятностным образом с элементами неопределенности. Можно даже говорить об особенностях своеобразного сексологического агностицизма, корнящегося в специфике самопознания человека в этой сфере его жизнедеятельности. В познании сексуальности никогда не наступит «полной ясности» научного ее понимания, как бы этого не хотели любители ссылаться на «Науку» как абсолют при решении спорных проблем сексуальной жизни человека. Совокупность сексологических знаний отнюдь не носит характера абсолюта, ввиду принципиальной неустранимости их неполноты в данный момент и вероятностных характеристик самих этих знаний. Во всяком случае, наука выполняет только роль фундамента сексологического знания,

элементы которого не статичны как железобетонные блоки, а подвижны и непрерывно развиваются. Если кратко суммировать то, что может сказать наука по этому поводу, то она пытается дать ответ на 3 взаимосвязанных вопроса: что, как и зачем? Попытаемся кратко обозначить смысл этих вопрошаний.

Что? – означает ответ на вопрос о границах понятия или концепта человеческой сексуальности, с учетом его исторической изменчивости и неопределённости самих границ. Главная трудность носит методологический характер, ибо она связана с эпистемологическими механизмами разграничения сексуальности, любви и брака, как вечных феноменов человеческой жизни, сливающихся в единое целое, чаще в идеале, чем в реальности.

Как? – подразумевает анализ феномена эротической культуры как специфического вида деятельности во всем разнообразии ее символических проявлений и метафорических манифестаций. Эротическое – это «слишком человеческое» в сексуальности и наиболее сложное для научного анализа, поскольку сходно с сакральным, с выходом за свои границы, трансгрессированием.

Почему? – Наверно один из самых сложных аспектов этой темы, т. к. нужно разобраться в парадоксах детерминации человеческой сексуальности на разных её уровнях. Где предел генетической детерминации, каковы возможности социализации и воспитания, и, наконец, в чём суть самодетерминации сексуальности? Эти поистине вечные вопросы вряд ли могут получить удовлетворяющее всех разрешение; здесь как и все в человеческой природе вероятно и неопределенно, логично и алогично.

Зачем? – Самый предельный, «философский» вопрос по поводу человеческой сексуальности, т. к. в нем предполагается обращение к тайнам бытия и смысла жизни, смерти и существования человека как существа сексуального. В этом процессе человек открывает сам себя, свое предназначение и место в океане Эроса, где он может быть безликой песчинкой, а может стать Левиафаном. В этом выявляется двойственность человека как существа временного и, в то же время обращённого к абсолюту, какую бы форму последний не имел. Речь идёт о свободе и ответственности, о целеполагании и идеалах, применительно к человеческой сексуальности. Очевидно, что научный подход должен быть дополнен вненаучным, чтобы познание данного феномена

было максимально полным и ориентированным на жизненную практику. Вненаучность отнюдь не синонимична антинаучности или лженаучности; более того, вненаучное знание не уводит от истины, а приближает к ней, идя иным путём чем «чистая» наука. Для развития этой идеи избрана известная формула Великого Инквизитора – персонажа Ф. М. Достоевского, в которой, как представляется, гениально схвачена суть многих явлений человеческой жизни, включая сексуальность.

Итак, сексуальность как *чудо*. Сразу вспоминается эссе П. Рикера «Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка» [2], написанное ещё более полувека назад, где мыслитель вдохновлялся идеей поисков нового священного в современной ему практике супружества, пытался понять «демонизм Эроса», соотношение эротики и нежности. Что же «чудесного» в человеческой сексуальности как проявлении природы и сущности человека? Проблематика чуда как явления культуры, а особенно русской чрезвычайно интересна и очень неоднозначна. Филологи указывают на появление этого термина в древнерусском языке с XI в. С.С. Аверинцев подчеркивает, что в ряде романских языков и в русском чудо в основном означает «достойное удивления» [3]. В другом смысле чудо понимается как знамение, как элемент откровения, что резко отделяет обычное удивление чем-либо чудесным от прорыва сверхъестественного в мир нашего естества. В этой мистической интерпретации чудо – это проявление божественного произвола, когда воля Творца отменяет законы природы, созданные той же волей, что выглядит достаточно парадоксально для обыденного сознания. Известное выражение А. Эйнштейна, что люди обычно либо отвергают чудеса, либо все считают чудом отражает суть противоречия обыденного сознания при столкновении с чудом. Единственно, с чем согласны почти все – то, что личность прежде всего ребенка и его восприятие мира и себя является подлинным чудом, хотя и воспроизводится в огромных масштабах и далеко не всегда замечается самими участниками этого действия. Есть и еще один постулат относительно религиозного понимания чуда – оно требует усилий, не совершается «само собой», к нему надо быть духовно готовым. В какой мере это приложимо к человеческой сексуальности?

Ответ на первый вопрос я попытался дать в монографии, посвященной детской сексуальности [4]. Дальнейшее изучение предмета подтвердило вы-

сказанную гипотезу – рождение сексуальности, ее манифестация у ребенка носит характер подлинного чуда, но не в религиозном, а в культурно – историческом смысле. В большинстве случаев это происходит неожиданно, непредсказуемо, как бы самопроизвольно, хотя роль внешних, провоцирующих факторов разумеется велика. Эта «взрывчатка» сидящая в глубинах природы человека воспламеняется от малейшей «искры» внешних впечатлений и воздействий и дает взрыв, память о котором человек сохраняет часто течение всей жизни. Далекое не всегда первый опыт бывает позитивен; сомнение и страхи могут быть весьма выражены, что объясняется воспитанием и социальным давлением, но это потрясение, как правило, не проходит бесследно. Более того, многие высказываются об этом именно как о чуде, которое затем в последующей жизни больше не повторялось. Указывают обычно на такие характеристики этого феномена: 1) внезапность для самого ребенка 2) сверхобычный характер ощущений, близкий к статусу измененного состояния сознания (чувство полета, бесконечности и т. п.) 3) неуправляемость процессом по типу действия «форс мажора» 4) изменение картины самовосприятия с элементами страха и гордости за новое состояние 5) осознание необходимости тщательного сокрытия этого события от родных и близких. Иными словами происходит прорыв в новую реальность бытия, становящейся личности, что не может не сказаться и на других аспектах ее развития.

Что же касается второго утверждения о необходимости душевной работы для творения чуда, то здесь ситуация несколько иная. Если «дебют» чуда – это подарок судьбы и индивидуальной биографии человека, первая раскладка «любовных карт» (по Дж. Мани), то для дальнейшего чудотворчества и в отношении себя и в отношении другого человека требуются действительно большие усилия. То, что вначале даётся «даром» как проявление созревающей природы человека, в последующем может стать и «раем» и «адам». Вспомним строки А. Блока относительно пола, как огня «который может быть единственным маяком, но может и погубить – сжечь дотла, истребить без остатка, так что на том месте где был человек, вырастает лопух» [5]. Борьба между «легкой плотью» и «бездушным чудовищем похоти» прослеживается в биографиях и творчестве многих гениев Серебряного века русской культуры. Одушевление и одухотворение велений плоти в христианстве представляет в сущности чудо, но не воли падшего человека, а благодати, ко-

торая ему дается свыше. Упомянутый П. Рикер подчёркивал, что сексуальность утратила сакральный смысл во многом под напором этического монотеизма, вызвавшего антисексуализм. Новое священное возможно в рамках выдвижения на первый план «ценности сексуальной жизни как безмолвного языка, как фактора взаимного признания и персонализации людей, короче как их самовыражения» [5, с. 225]. Это и есть «нежность» противостоящая «эротизму», попытка возродить Эрос через Агапе. Это возможно, по его мысли, через институт брака, хотя он «во многом содействует тому, что сексуальная связь с ее интимностью терпит крах» [5, с. 226].

Прогнозы П. Рикера, сделанные ещё в середине 20 века подтверждаются масштабами современного движения асексуалов, кризиса интимности и эмоциональности, характерного не только для западной цивилизации. «Чудо» сексуальности вырождается в инструментализм секса как великого «симулякра» по Ж. Бодрийяру. Недаром, известный публицист М. Армалинский называл свое эссе об оргазме «Гонимое чудо» [6], аргументируя мысль, что оргазм это метод выхода к душе через тело, откровение на постижение которого тратится огромное количество духовной энергии. Недаром французы называют это состояние «маленькой смертью», ведущей либо «от похоти к любви, либо от похоти к одиночеству» [6, с. 416]. Другим аспектом «чудесного» при рождении сексуальности и ее дальнейшем развитии является нахождение и обретение Другого, не только и не столько как партнёра, а как иной «сексуальной Вселенной». Давно известно, что первые манифестации сексуальности нередко вызывают чувство страха и угрызения совести по поводу их проявления, когда ребёнок ощущает себя «испорченным» и этим отличающимся от «нормальных» детей. Знакомство с опытом других как в личностной, так и в знаково – символической форме переводит собственное «чудо» в обыденность и тем самым приобщает его к миру сексуальной культуры в формах данного общества на данном этапе его развития. Соломонова сентенция о многой мудрости, в которой много печали как нельзя более подходит к этой ситуации. Познание своей сексуальности через другого с его миром даёт и расширение диапазона выбора и ставит перед вечным вопросом: «нормально ли то, что происходит со мной?». Отсюда берут исток многие страхи и фобии взрослого человека, для которого «чудо» уже позади, а впереди проблемы самоидентификации, которая, как полагал тот же П. Рикер, стала нарратив-

ной и не столько сохраняет определённый статус сколько «поддерживает» его в постоянном «переименовании». Иными словами, нельзя «определиться» со своей сексуальностью раз и навсегда и человек «рождается» в этом смысле не раз и не два, испытывая в этом процессе некие «чудесные» превращения.

Итак, первое чудо это рождение сексуальности в недрах человеческой природы и ее манифестация в формах известных физиологических и сексологических феноменов (первая эрекция, первый оргазм, первая эйякуляция, первые месячные). Диапазон личностного восприятия этих феноменов чрезвычайно широк – от малозаметного события до потрясения, в корне меняющего отношение к себе и другим. Это определяется типом половой конституции человека и теми конкретными условиями социального окружения, в которых это происходит (семья, сверстники, общество и т. п.).

Второе чудо, гораздо более значимое для личности – это знакомство с опытом другого. Оно может быть продиктовано элементарным любопытством, а может быть связано с возникновением чувства любви именно к этому сверстнику даже независимо от его пола. Если это чувство носит взаимный характер, то рождается еще одно чудо, о котором уже шла речь – взаимодействие нежности и эротики. В идеале это противоречие находит разрешение в счастливом браке, а в реальности является источником многочисленных коллизий, особенно в подростковом возрасте. Трудно переоценить важность проявлений нежности как манифестации любви для личностного роста и развития. Без него становящаяся личность становится заведомо ущербной, уплощаются жизненные цели ориентиры, растет эгоцентризм, ведущий в конечном итоге к отчуждению от самого себя. Эротизм тоже вырождается в голый техницизм, следствием чего является состояние посткоитальной тоски, которое становится доминирующим. Здесь уже нет места «чудесам» сексуальности, поскольку реализуется установка «техника решает все», которая при современных технологиях способна вполне заменить живого человека. Собственно «постчеловек», о котором сейчас много пишут не нуждается в сексуальности как таковой, ни в чуде ее проявлений. Остаётся надеяться, что в обозримом будущем, человечество ещё сохранит чудо сексуальности и любви, хотя сейчас немало сторонников и противоположных взглядов.

Если согласиться с мнением В. Зинченко что «личность, действительно есть чудо, миф, предмет удивления, восхищения, преклонения, зависти, ненависти...но не предмет научного объяснения», то ситуация с человеческой сексуальностью становится ещё более прозрачной и в то же время таинственной.

Обратимся к сексуальности как к *тайне*. Здесь ситуация еще более сложная, поскольку написаны горы книг о тайнах мужской и женской сексуальности с массой рецептов как её раскрыть или «разоблачить» и удачно использовать в собственных интересах. В этом случае тайна смешивается с проблемой, которую нужно разрешить, поскольку тайна в сущности никогда не постижима до конца, хотя и постоянно влечет к себе пытливый ум, о чём писал еще Г. Марсель. Тайна носит сугубо личностный характер и укоренена в загадке бытия человека. Несводимость тайны к технологиям решения конкретных проблем жизни человека казалось бы достаточно очевидна, но не прекращаются попытки «сорвать покров» с последних тайн, раз и навсегда «разоблачить» все заблуждения. К сфере сексуальности это относится в высшей степени; все или почти все хотят быть в ней или успешными на деле, или в способности эффективно подавить эту «злую» страсть (в христианстве), ввести ее в рамки шариата (в исламе) или сублимировать в восточных учениях. П. Рикер сравнивал сексуальность с выступившей из воды частью Атлантиды, обретающей жизнь благодаря герменевтике, искусству интерпретации текстов и смыслов. В свое время Ж. Бодрийяр сравнивал срывание покрова тайны с женственностью, с отождествлением ее с эмблемой оргазма с торжеством радикальной непристойности» [7]. Соединение супругов в единую плоть составляет суть христианского понимания брака как таинства. В то же время, ещё П. Флоренский обращал внимание на то, что в дружбе происходит слияние двух душ в единую, что в известном смысле ещё выше по таинственности, чем любовь.

То, что сексуальные притяжения есть тайна, в общем звучит достаточно банально, ибо ежеминутно воспроизводится в глобальных масштабах не вызывая особого удивления. Любители серьезных и шуточных статистик давно уже тешат публику средним количеством половых актов и других сексуальных феноменов, происходящих на планете в данный отрезок времени. Создается впечатление, что это и есть главное занятие человечества, после дыха-

ния и еды, что вообще снимает вопрос о его таинственности. Ещё столетие назад А. Розанов сетовал, что в России «У русских и православных вообще плотская сторона в идее вовсе отрицается, а на деле имеет скотское, свинское, абсолютно бессветное выражение» [8]. Какие уж тут тайны, если можно «делать» это не снимая сапог, в полусонном и нетрезвом состоянии, ради только рождения «духовных чад» Церкви. Отсюда вытекала его страстное желание ввести в религию сферу пола, сделать ее таинством не только в духовном смысле, что и вызвало резкое противодействие церкви. Впрочем, вряд ли это положение справедливо только для русской сексуальной культуры, равно как и для простого народа. Массовая десакрализация сексуальности имеет достаточно глубокие корни и являет собой один из элементов массовой культуры.

Как сохранить эту тайну в условиях обыденности, не подменяя ее сложившимся ритуалом партнерского или супружеского интимного общения, пожалуй, составляет самую трудную психологическую проблему. Ясно одно, это требует непрерывного душевного труда и культивирования своего эмоционального мира, ровно как и сохранения величайшего удивления перед бездной души и тела любимого человека. Во Вселенной пола есть своя «черная» материя и энергия, свои «черные» дыры», но есть и блеск сверхновых звезд. Это не просто метафоры, а концепты, отражающие суть этих явлений, дающие ключ к пониманию их тайн. В известной концепции Энтони Гидденса «чистые отношения», которые представляют собой «часть родового реструктурирования интимности» [9] так или иначе выводят личность за рамки нормативных брачных отношений и являют собой «отголосок трансцендентного». Тайной и таинством, следовательно, является не только брачный союз двух, дающий феномен «единой плоти», но и иные формы отношений, глубоко проникающие в душу человека.

Ещё более сложна проблема *авторитета* в сексуальности человека. В XX в., несомненно, основной вклад в решение этой проблемы внесли труды М. Фуко. В самом обобщенном виде М. Фуко сформировал проблему, суть которой в том, что «половые отношения – всегда рассматриваемые на основе модели акта как проникновения и на основе определённой полярности, противопоставляющей активность и пассивность, – воспринимается как связь того же типа, что и отношения между начальником и подчиненным, тем, кто

главенствует, тем кто диктует, и тем, над кем главенствуют, тем кто диктует, и тем, кому диктуют, тем, кто побеждает, и тем, кто побежден» [10]. В сущности это была концепция биовласти, власти над телом человека и его сексуальными функциями. Желание секса делает человека зависимым, ставит его подчиненное положение непрерывной погони за ускользающей иллюзией. Интеллектуал должен стремиться преодолеть эту зависимость и для этого по мысли Ж. Делеза и Ф. Гваттари нужно диантропоморфизация пола со всеми вытекающими последствиями.

То, что любовь и сексуальность не могут быть по определению равновесными, было известно задолго до этих концепций. Если сила и власть традиционно связывались с поведением мужчины, то слабость и подчинение с женским стереотипом патриархального общества. Сейчас эти отношения трактуются иначе – как «мужской и женский способ существования, касающийся любого человека, независимо от пола» [11]. В андрогинности человеческой природы и бисексуальности поведения человека усматривается, таким образом, путь преодоления той же авторитарности, которая представляет собой наиболее утонченную форму эксплуатации. Современные дискуссии на сей счет, начиная с тезиса классика психологии андрогинии Сандры Бем о том, что «биологический пол больше не может оставаться центральным фактором индивидуальности и сексуальности» [12] все более обращаются к введённому ей понятию «линз гендера», поляризующих это понятие. Главное, по ее мысли, чтобы общество прекратило проецировать гендер на ситуации, не связанные с гениталиями. Справедливости ради стоит отметить, что действительность уже опередила эти прогнозы. Гениталии и гендер в западной цивилизации уже существуют лишь касаясь друг друга и особо не влияют на сущностные характеристики самих этих феноменов. Угнетают людей не носители «властных» гениталий или соответствующих гендерных характеристик, а то, что они являются символами универсального «совращения», которое по мысли Ж. Бодрийяра сильнее чем сама сексуальность. Авторитет переместился из реальной и телесной в знаково – символическую сферу, где стал еще более реальным и подавляющим. Люди, осуществляя сексуальные функции, страдают от собственных властных симулякров, которые по силе во много раз превосходят все, что было ранее в реальной действительности полового общения. Такое «самоугнетение» иногда трактуется как голос сове-

сти или спроецированный внутрь индивида «глас Божий», не позволяющий безнаказанно нарушать те или иные заповеди. Принуждение себя к определенной форме поведения как продукту связанному с падшим состоянием человека (в христианстве) или его слабостью (в исламе) составляет суть нравственного состояния человека, которое должно при этом нести радость преодоления своей природы во имя будущей вечной жизни. Если же человек следует ложным авторитетам, то неминуемо возмездие и в этой и в будущей жизни. В этом смысле сексуальность, особенно за пределами деторождения обретает черты идолопоклонничества, служения псевдокумиру, что пагубно для душевной и духовной жизни.

Интересно как Р. Барт обыграл три момента в развитии любовного дискурса – сначала «мгновенной пленение», то что обозначается как «чудо»; затем «освоение» любимого существа, сутью которого и является «тайна»; а уж потом власть авторитета, которая выливается в полосу «страданий, ран, тревог, невзгод, обид, отчаяний, смятений и ловушек» [13]. Итак, начинается «во здравие», а кончается «за упокой» и это относится к той любви, которая, как известно «движет солнце и светила». Все изложенное позволяет полагать, что вненаучные способы постижения феномена сексуальности человека не только дополняют научные подходы, но и выявляют новые и парадоксальные грани данного явления. Главное, пожалуй, состоит в том, чтобы постичь простую, и, вместе с тем, невероятно сложную истину – почему сексуальность так тесно и подчас неразрывно связана с насилием, в том числе и по отношению к самому себе? В чём смысл сексуальности как преодоления смерти и, в то же время, стремления к ней? Можно ли «устроить» свою сексуальную жизнь «выгодно, надёжно и удобно» или это иллюзия чистой воды и самообман? Очевидно, что в случае анализа сексуальности действует т. н. нелинейный тип детерминации ее проявлений, предполагающий абсолютную неоднозначность следствий и вообще будущего как такового. Говоря словами В. Набокова «в наш циничный век остервенелой гетеросексуальности» [14], когда «хюбрис» (необузданность) берет верх над любым благоразумием, а 7-я заповедь все более и более объявляется устаревшей, видимо нужны новые подходы. Правда, при ближайшем рассмотрении они оказываются модификацией старых вроде того что «милость и истина, да не оставляют тебя: обяжи ими шею твою, напиши их на скрижали сердца твоего», (книга притчей Соломо-

новых гл. 3, 3). Понимать и прощать сейчас надо уметь как никогда раньше, ибо большинство современных философов считают проблематику любви, насилия и этических регулятивов новой рациональности важнейшими интеллектуальными задачами эпохи. Как любить человека и одновременно ненавидеть то, что в христианстве обозначается как грех, как сочетать несочетаемое и разделять неразделяемое лучше бы спросить у творцов христологических догматов, которые еще в IV в. сказали как не надо понимать природу Спасителя, но не сказали точно как это надо делать. Это интеллектуальная загадка и, в то же время, нелегкая эмоциональная ситуация в полной мере относится и к природе феномена человеческой сексуальности. Многие точно знают какой она не должна быть и живописуют эти картины средствами искусства, дабы вызвать отвращение к обесчеловеченному механическому сексу. В то же время гораздо беднее выглядят картины счастливой любви и сексуальности, не выходящие часто по мудрому замечанию В. Набокова за пределы ощущения «вечного счастья, светящегося в конце нескончаемой сказки» [15]. Сила зла, убивающая человеческое в человеке в том числе и в такой интимной сфере сейчас настолько велика, что видимо стоит согласиться с И. Бродским, писавшим, что «человеческий выбор на сегодняшний день лежит не между Добром и Злом, а скорее между Злом и Ужасом» [16]. Сказано это было еще в 70-е гг. XX в., но годы прошедшие после этого только усилили звучание этого тезиса. Тем не менее, вряд ли уместно поддаваться панике и «хоронить» человеческую сексуальность только потому, что мы не можем ее адекватно понять и «приручить». Этот вечный феномен человеческой жизни и деятельности еще не раз удивит исследователей своей необъятностью и манящей непостижимостью. В этом, видимо, его постоянная привлекательность для пытливого ума и недремлющих чувств. Слова Генри Миллера «Я познаю секс во всех его мыслимых и немыслимых проявлениях» [18] могут оказаться слишком шокирующими, однако поиск истины, добра и красоты не может игнорировать эту сторону жизни и деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жаров Л.В.* Сексуальность человека в пределах науки – что это такое? // «Гуманитарные и социальные науки» № 5, 2009. www.hses-online.ru
2. *Рикер П.* История и истина. С-ПБ, 2002.

3. *Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь, 2001.
4. *Жаров Л.В.* Ребенок в мире Эроса. Ростов-на-Дону, 2006.
5. *Блок А.* О реалистах. Проза. М-Л.
6. *Армалинский М. Н.* Гонимое чудо. Чтоб знали! М, 2002.
7. *Зинченко В. П.* Очень субъективные заметки о психологической диагностике // Человек. 2001. №1.
8. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. Ad Marginem. 2000.
9. *Розанов В. В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992.
10. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб, 2004.
11. *Фуко М.* Использование удовольствий. Т.2 СПб, 2004.
12. *Бюрне П.* Любовь // Психология любви и сексуальности. М, 2005.
13. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
14. *Барт Ролан* Фрагменты речи влюбленного. Ad Marginem М., 1999.
15. *Набоков В. В.* Бледное пламя. Т. 3 «Симпозиум», 2007.
16. *Набоков В В.* Ада, или Эротиада: Семейная хроника. М.
17. *Бродский И.* Сочинение Иосифа Бродского. Т. 7. СПб., 2001.
18. *Миллер Г.* Тропик Рака // Сборник СПб: «Продолжение жизни». 2002.

***Ростовский государственный
медицинский университет***

20 декабря 2010 г.